"Чем отличается баня по-белому от бани по-черному?" — спросил он меня однажды. За консультацией по крестьянскому быту, надо сказать, обращался он ко мне часто, думая, раз я коренной чалдон алтайский и колхозник, стало быть, быт, словарь и уклад гнезда своего должен знать досконально (в чем, конечно, он ошибался сильно), но я не спешил разуверять его в том, играя роль крестьянского делегата охотно и до конца, завираясь подчас до стыдного. На этот раз ответ я знал не приблизительный, потому что отец наш переделывал нашу баню каждый день, то с черной на белую, то с белой на черную, и наоборот, — по охоте тела. Баня по-черному — это когда каменка из булыжника или породного камня сложена внутри самого покоя без всяких дымоотводов. Огонь раскаляет докрасна непосредственно те камни, на которые потом будем плескать воду для образования горячего пара. От каменки стены нагреваются, тоже не шибко дотронешься. Дым от сгорания дров заполняет всю внутренность строения и выходит в двери, в щели, где найдет лаз. Такая баня, когда топится, кажется, горит. Естественно, стены и потолок слоем сажи покрываются, которую обметают, конечно, но... Эта баня проста в устройстве, но не так проста в приготовлении. Тут искусство почти. Надо угар весь до остатка выжить, а жар первородный сохранить. Это целая церемония: кто идет в первый пар, кто во второй, в третий... А веники приготовить... Распарить так, чтобы голиками от двух взмахов не сделались?

Баня по-белому — баня культурная, внутри чистая. Дым — по дымоходу, по трубе и в белый свет. Часто сама топка наружу выведена. Но чего-то в такой бане не хватает, для меня по крайней мере все равно что уха на газу. Моя банька —банька черная, дымная, хотя мы с братом иной раз с черными задницами из бани приходили и нас вдругорядь посылали, уже в холодную...

В то лето Владимир парился в банях по-разному: недостатку в банях в Сибири нет. И вот разбудил он меня среди ночи очередной своей светлой и спрашивает: "Как, говоришь, место называется, где парятся, полок?" "Полок, — говорю, — Володя, полок, ага..." — "Ну, спи, спи..."

В эту ночь или в другую, уж не помню сейчас, только растряс он меня снова, истошный, с гитарой наизготовке, и в гулком, брошенном доме, заставленном корчагами с молоком, при свете лампы в пятьсот очевидных свечей зазвучала "Банька":

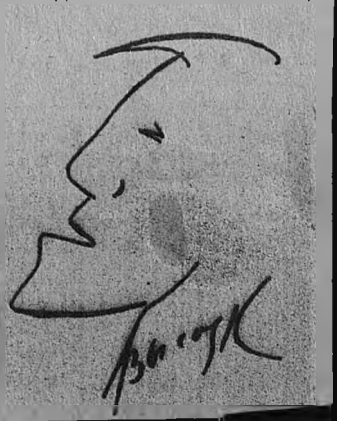
Протопи ты мне баньку,
хозяюшка,
Раскалю я себя, распалю!
На полоке у самого краюшка
Я сомненья в себе истреблю!
Разомлею я до неприличности,
Ковш холодный... — и все
позади...

Где-то с середины песни я стал невольно подмыкивать ему втору, так близка оказалась мне песня по ладу, по настроению, по словам.

Я мычал и плакал от радости и счастья свидетельства... А когда прошел угар радости, в гордости соучастия заметил Владимиру, что "на полоке" неверно сказано, правильно будет — на полке. "Почему?" — "Не знаю, так у нас не говорят".

"У нас на Алтае", " у нас в Сибири", "у нас в народе" и т.д. — фанаберился я, хотя объяснение было простое, но, к сожалению, пришло потом. Гласная "о" в слове "полок" при формообразовании становится беглой гласной, как "потолок — потолке" и пр. Но что нам было до этой гласной? Правда, в записях последних лет ясно слышится, что Владимир великодушно разрешает гласной "о" все-таки убегать, компенсируя ее отсутствие в ритмической пружине, строенной звучащей соседкой "л": "на пол-л-лке у самого краюшка..." и т.д.

В этом замечании, которому я не мог дать объяснение, и в том, что мы часто пели потом "Баньку" вместе, и есть вся тайна моего автографа, вся тайна моего соучастия — счастливого и горячего.



"ОГОНЕК".

Автошарж В. Высоцкого.